

www.volsu.ru

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

UDC 94(471.64)084.3
LBC 63.3(2Рос.Кав)61

Submitted: 23.03.2021
Accepted: 27.06.2021

CHANGE OF POWER IN KABARDA DURING THE REVOLUTIONARY UPHEAVAL OF 1917–1918

Osman A. Zhansitov

Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal Scientific Center
“Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Nalchik, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with the change of power in Kabarda in the context of the region’s involvement in the all-Russian revolutionary process. An unbiased analysis of the event canvas, reinforced by a new texture, made it possible to reconstruct two key plots of political transformations in Kabarda: the transition from the previous “tsarist” administration to the new “February” one in March – April 1917, and the proclamation of Soviet power in March 1918. *Materials and methods.* Sources of “revolutionary” origin published in censored form in Soviet times, including both official documents and a memoir narrative, do not reflect an integral objective picture of the transfer of power in Kabarda. The one-sided, ideologically mediated interpretation of the events was overcome by the verification of the existing corpus of published sources, the appeal to the original texts and the comparison of the latter with the archival materials that have become available from the “counter-revolutionary camp”. *Analysis.* The fall of the monarchy and the formation of the Provisional Government structures (regional and district civil executive committees) was supported and accepted by the overwhelming majority of the population of Kabarda and Terek region as a whole, which predetermined the conflict-free nature of the change of power. At the same time, the overthrow of the Provisional Government by the Bolsheviks in October 1917 divided the region into opposing camps – supporters and opponents of the country’s new political course. The current confrontational situation affected the nature of the transition to power of the Soviets in Kabarda. *Results.* The national “bourgeois” elite took leading positions in the administrative structures of the “February” administration in Kabarda not as a result of the seizure of power, as it was claimed in Soviet studies, but in the course of democratic election procedures. The real picture of the proclamation of Soviet power was also significantly different from the well-established interpretations, according to which, as a result of an operation brilliantly planned by the Bolsheviks, the “counter-revolutionary” leadership of Kabarda was overthrown and the military formations under its control were disarmed. In reality, everything turned out to be less pretentious: realizing the futility of further retention of power in the conditions of the transfer of Terek region under the control of the Bolsheviks and the collapse of the structures of the “February” administration in the region, the local bourgeois elite decided to transfer their powers to the Soviets, which was consolidated through the corresponding formal procedures at the people’s forum held in March 1918.

Key words: revolution, Kabarda, Soviet power, Bolsheviks, change of power, Provisional Government, Terek region.

Citation. Zhansitov O.A. Change of Power in Kabarda During the Revolutionary Upheaval of 1917–1918. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 129-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

СМЕНА ВЛАСТИ В КАБАРДЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917–1918 ГОДОВ

Осман Асланович Жанситов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН», г. Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы смены власти в Кабарде в условиях вовлечения региона в общероссийский революционный процесс. Непредвзятый анализ событийной канвы, усиленный новой фактурой, позволил реконструировать два ключевых сюжета политических трансформаций в Кабарде: переход от прежней «царской» администрации к новой «февральской» в марте – апреле 1917 г. и провозглашение советской власти в марте 1918 года. С целью выстраивания достоверной картины рассматриваемого периода мы обратились к оригинальным текстам опубликованных в советское время источников: документам Архива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Ф. 2 «Революция и гражданская война в Кабардино-Балкарии»); Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (Ф. Р-198 «Народный совет Нальчикского округа»). Кроме того, в научный оборот были введены мемуары очевидца рассматриваемых событий, белоэмигранта К. Чхеидзе (ГАРФ. Ф. 5911 «К. А. Чхеидзе»). Падение монархии было поддержано подавляющим большинством населения Кабарды, что предопределило бесконфликтный характер смены власти. Национальная «буржуазная» элита возглавила управленческие структуры «февральской» администрации в Кабарде не в результате захвата власти, как это утверждалось в советских исследованиях, а в ходе демократических выборных процедур. В то же время свержение Временного правительства большевиками в октябре 1917 г. разделило регион на сторонников и противников нового политического курса страны, что обусловило конфронтационный характер перехода к власти Советов в Кабарде.

Ключевые слова: революция, Кабарда, советская власть, большевики, смена власти, Временное правительство, Терская область.

Цитирование. Жанситов О. А. Смена власти в Кабарде в период революционных потрясений 1917–1918 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 129–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.11>

Введение. В советской историографии революционного периода факт перехода власти интерпретировался в заданном идеологическом ключе: в отношении антибольшевистских сил он описывался как захват, узурпация, контрреволюционный переворот, соответственно, в отношении советских – как революция, свержение антинародного режима, ликвидация контрреволюционного переворота [3; 14]. В мемуарной белоэмигрантской литературе, напротив, приход большевиков к власти, в том числе и на местах, представляется как переворот [8; 15].

Смена власти в Кабарде (Нальчикский округ Терской области) являлась следствием событий разного порядка: революции, свершившиеся в центре страны и последующая фиксация вызванных ими политических изменений на местах; втягивание в орбиту

борьбы общероссийских (красные/белые) движений в Северо-Кавказском регионе, вооруженные перевороты, осуществлявшиеся местными группировками с различной политической и идеологической окраской; кадровые перестановки, суть которых заключалась в легитимной смене руководства в действующих органах власти, иницирующего, в свою очередь, радикальные изменения политического курса.

В данном же исследовании прослеживается, как произошедшие в центре страны события – свержение самодержавия и приход к власти большевиков, которые, согласно современным историографическим трендам [12, с. 17], выступают ключевыми эпизодами единой Великой российской революции, повлияли на трансформацию политической системы на местах, в частности, в Кабарде. В этой связи

речь пойдет не столько о политических и социальных последствиях смены власти в Кабарде, на чем в основном сосредоточивается историография революционного периода, сколько о самом *событии* смены власти, сопровождавших этот процесс процедур и общественной реакции. Предпринятое в статье преодоление поверхностного, фрагментарного, идеологически опосредованного взгляда на проблему вносит новизну в исследования революционного периода в регионе.

Методы и материалы. Перманентная ориентированность на переосмысление событийной канвы прошлого имманентна самой идее постижения истории на рациональных началах. В случаях утверждения в пространстве историографического дискурса искаженных в угоду конъюнктурным политико-идеологическим соображениям представлений о тех или иных исторических сюжетах, интенции к перенастройке исследовательской оптики вдвойне обоснованы. Важность преодоления стереотипированной картины ключевого момента революционного периода в Кабарде, выступавшей на протяжении десятилетий в качестве нормативного взгляда на события, предопределила интерес к затрагиваемому вопросу. Сам характер рассматриваемой экстраординарной событийной фактуры Великой российской революции 1917 г. обуславливает необходимость неукоснительного следования принципу историзма и методу диахронного анализа. Применение последнего обеспечивает дифференцированное восприятие траекторий исследуемого предмета как череду последовательно сменяющих друг друга в реальном историческом времени этапов революционного процесса.

Особую значимость для данного исследования имеет верификация и сопоставление источников разного происхождения. В советский период публикация официальных документов, к примеру, протоколов «Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа», решавшего вопросы перехода власти в регионе, а также «революционного» мемуарного нарратива, в частности, воспоминаний «О работе в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР с декабря 1917 г. по май 1920 г. Русакова Григория Северьяновича», отражающего данные сюжеты, осуществля-

лась в цензурированном виде. На выходе получалась идеологически выверенная, недостоверная и отчасти мифологизированная трактовка прошлого. Соответственно, обращение к оригинальным текстам тех же протоколов и мемуаров, а также сопоставление последних со ставшими доступными аналогичными источниками «контрреволюционного» происхождения (в частности, с обнаруженными нами в Государственном архиве РФ и введенными в научный оборот воспоминаниями участника антибольшевистской борьбы на Северном Кавказе белоэмигранта К. Чхеидзе), позволяет с большей долей объективности реконструировать рассматриваемые события.

Анализ. Известие о падении самодержавия, по словам современников, было встречено населением Терской области в атмосфере всеобщего «возбуждения и ликования» [9, с. 25; 10, с. 6], что было вызвано, прежде всего, ожиданием демократизации страны, отмены национальных и религиозных ограничений, гарантированной приверженностью новой власти республиканской форме правления, официально оформленной 1 (14) сентября 1917 года. Подобные экспектации местной политической элиты и общества обусловили мирный сценарий перехода власти в регионе. На это, в частности, обратил внимание К. Чхеидзе, отметив, что «...от начала революции (февральской. – О. Ж.) и до первых попыток большевистского переворота никаких эксцессов Терская область, да и все население Северного Кавказа не знали. Администраторов старого режима сменили новые лица с новыми наименованиями прежних должностей и учреждений; но ни чиновники, ни офицеры расстреливаемы не были» [15, с. 26].

Образованный 6 (19) марта 1917 г. Терский областной гражданский исполнительный комитет принял решение о смещении с должности и аресте начальника области генерала С. Флейшера, его заместителя генерала Н. Степанова и начальника жандармского управления полковника А. Гладышевского. Последние хотя и своевременно заявили о лояльности новым властям, но как деятели, олицетворявшие свергнутый царский режим, были не столько опасны, сколько символически не уместны в сложившихся реалиях. Подобные соображения послужили поводом для отстра-

нения от должностей представителей старой власти на местах – в национальных (горских) округах Терской области.

11 (24) марта 1917 г. начальник Нальчикского округа подполковник С. Клишбиев получил телеграмму из областного центра Владикавказа, в которой сообщалось о его смещении и назначении исполняющим обязанности комиссара округа судебного следователя Г. Чижокова [11, с. 47]. На следующий день, 12 (25) марта, в слободе Нальчик (административном центре округа) собрался внеочередной Съезд доверенных, анонсированный еще Клишбиевым в связи с революционной ситуацией в центре страны и отречением царя.

Однако формат съезда был существенно скорректирован и вместо обсуждений петроградских событий собравшиеся, заслушав объявление комиссара Терского областного Гражданского исполнительного комитета по Нальчикскому округу Г. Чижокова о случившихся в стране переменах, передачи ему власти прежним окружным начальником Клишбиевым и о введении института выборных сельских старших и руководства округа, были распущены [5, л. 33].

Реакция кабардинской общественности на произошедшие кадровые перестановки (именно так выглядели первые проявления Февральской революции в Нальчикском округе) была неоднозначной. С одной стороны, она приветствовала падение самодержавия и демократический курс новой власти, суливший перспективы автономизации и, в частности, открывающий возможности избирать власть всех уровней – от сельского старшины до комиссара округа. С другой – не всех устраивало смещение Клишбиева и многие были не против нахождения его во власти уже при новом режиме. Сам факт назначения кабардинца на высшую должность в округе, до этого занимаемую администраторами со стороны, воспринимался как реверанс царской администрации автономистским устремлениям социума. Более того, Клишбиев проявил себя как опытный управленец, социально ориентированный лидер, много сделавший для развития экономики, культуры, инфраструктуры «вверенного» ему округа. Современник событий тех лет в своих мемуарах передал настроения жителей Нальчика, в которых уга-

дывалось сожаление по поводу отставки окружного начальника: «при Клишбиеве можно было жить, он был справедливым, грабежей не было» [1, л. 8].

Возможно, посчитав, что чрезмерная популярность прежнего «царского» начальника создаст определенные трудности при формировании «февральской» администрации в округе, новые власти решили переместить Клишбиева из пределов Кабарды во Владикавказ, но негативная реакция его многочисленных соратников и сторонников заставила отступить от подобной меры. Вынужденный отреагировать на создающуюся ситуацию Г. Чижоков заявил, что бывший окружной начальник опасности для свободных выборов органов власти не представляет и поэтому вопрос о его пребывании в округе можно считать исчерпанным [5, л. 33–37]. В итоге Клишбиев остался жить в Кабарде как частное лицо, стараясь не вмешиваться в политику.

В апреле 1917 г. через выборные процедуры, а не в результате захвата власти «эксплуататорской верхушкой», как это утверждалось в советской историографии [14, с. 55], в Кабарде была сформирована новая администрация. Г. Чижоков вступил в должность комиссара Нальчикского округа, одновременно получив членство в образованном в это же время Нальчикском окружном гражданском исполнительном комитете, подчинявшемся областной власти. Так цивилизованно и бескровно в Кабарде начиналась череда смены политических режимов.

В иных условиях происходило утверждение советской власти на Тереке после октября 1917 года. Если падение монархии, как выше отмечалось, было позитивно воспринято практически всеми социальными группами и народами региона, то приход к власти в центре страны большевиков не вызвал такой однозначной реакции. Иллюстрацией этому служит хотя бы то обстоятельство, что большевикам, в отличие от февральской администрации, понадобилось около пяти месяцев с момента октябрьских событий для утверждения своей власти (да и то, в компромиссном ее варианте, без диктатуры пролетариата, продразверстки, «воинствующего безбожия», с обещанием широкого суверенитета примкнувшим к ней народам) на Тереке. Ста-

новление Советов проходило через обострение социальной конфликтности, поскольку последние позиционировались как власть «трудового народа», «бедноты», что не устраивало местные элиты и зажиточные слои населения («средний класс»), которые преобладали, в частности, в Кабарде и казачьих отделах области. Приходящие к власти пробольшевистские силы оказывались в конфронтации с не признававшими их легитимность силами, придерживавшимися «февральской» политической системы, в рамках которой были запущены процессы национально-государственного строительства народов региона, прерванные октябрьским переворотом [6, с. 553].

Тем не менее влияние центра, уже большевистского, постепенно абсорбирующего военный, промышленный, демографический и инфраструктурный ресурсы бывшей империи, оказывало решающее воздействие на политические процессы в Терской области. Более того, обещания большевиков наделить малоземельные горские народы пахотными и пастбищными участками, в том числе и за счет передачи им части казачьих территорий, а также лозунги широкого национального самоопределения горцев, «вплоть до отделения», значительно укрепили позиции советской власти в регионе. Эти позиции усиливались привлечением к «делу революции» отступавших с Турецкого театра военных действий через Терскую область дезорганизованных солдатских масс, которые стали ядром активно формировавшейся северокавказской Красной армии. Местные политические акторы – Терский областной гражданский исполнительный комитет и образованные в марте 1917 г. властные структуры горского и казачьего населения области – Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и Войсковое правительство Терского казачества, не признав власти большевиков, сформировали общее Терско-Дагестанское правительство. Однако последнее, не обладая сопоставимыми с центром ресурсами и не сумев объединить на общеприемлемой социально-политической платформе этнически, конфессионально, экономически неоднородное население региона, оказалось не в состоянии помешать большевикам провозгласить в марте 1918 г. на Пятигорском Съезде народов Терека со-

ветскую власть, спустя две недели принятую и окружными съездами на местах. Новым высшим органом областной власти стал Терский народный совет. Установление советской власти в центре страны сделало вопросом времени ее провозглашение в Терской области, что, в свою очередь, предопределило ее признание и в Кабарде.

Подобную логику развития событий подметил в своих мемуарах один из деятелей революционного периода в регионе К. Чхеидзе, передав к тому же атмосферу, царящую в Кабарде, накануне смены власти. «К концу февраля и началу марта 1918 г. Нальчикская власть и общество, – писал К. Чхеидзе, – отдавали себе отчет в неизбежности столкновения с большевизмом. Начали разрабатываться различные подходы к решению уже осязаемого конфликта. Были сторонники немедленной вооруженной борьбы. Их позиции укреплялись людьми, уже испытывавшими гнет коммунистического режима. Это были беженцы с областей, где уже установилась советская власть. Группа кабардинской молодежи, главным образом, интеллигенция, требовала организации добровольческих отрядов и обороны Кабарды до последних сил. Открыта была запись в предполагаемый добровольческий отряд. Большим энтузиастом в этой группе был студент Батырбек Абуков. Другая тактика подсказывалась местными социалистами: безболезненное признание советской власти и через участие в выборах вхождение в состав местного Совета. Предполагалось (и наивно), что большевики пойдут на коалицию. Управление округа и военное начальство придерживалось неопределенной линии: ни мира, ни войны. В их оправдание надо сказать, что велика была их вера в благородство и дисциплину кабардинского народа... Конечно, Кабарда не имела возможности для отражения советских сил Терской области. И в начале 1918 года если бы она подняла такую борьбу, то без сомнения осталась бы в одиночестве. Все это вместе взятое привело к осознанию невозможности активной борьбы и временной ее нежелательности» [15, с. 40–41].

Таким образом, «февральская» администрация Кабарды в сложившихся реалиях (провозглашение советской власти на Тереке и фактический распад Терско-Дагестанского

правительства) вынуждена была прекратить свои полномочия. Местные просоветские силы, возглавляемые крестьянскими активистами Б. Калмыковым, Х. Бесланевым и др., при поддержке терских большевиков в конце марта 1918 г. созвали в Нальчике Народный съезд, на котором в торжественной обстановке провозгласили советскую власть. Окружным комиссаром был назначен А. Сахаров. Он же, спустя время, по совместительству возглавил новый орган власти – Нальчикский окружной народный совет.

Попытаемся реконструировать момент перехода власти в Кабарде к советам. В советской историографии освещение этого вопроса основывалось на очерке 1921 г. одного из ключевых участников тех событий Б. Калмыкова [14, с. 121], ставшего после революции видным региональным политическим деятелем, возглавившим Кабардино-Балкарскую автономную область. Обладая, по сути, монополией на формирование исторического сюжета (историю пишут победители) он, как это часто бывает, описывает события прошлого, руководствуясь конъюнктурой настоящего. Отсюда – преувеличение собственной роли, что повышало его авторитет в зарождающейся местной советской элите, излишний драматизм и пафос, «демонизация» противника. Здесь можно провести аналогии со штурмом Зимнего Дворца, мифологизированным С. Эзенштейном в фильме 1927 г. «Октябрь», многие кадры которого, мало соответствующие действительности, воспринимались обывателем как историческая хроника.

Приведем для наглядности выдержки из очерка Б. Калмыкова, описавшего момент провозглашения советской власти в Кабарде. С целью «ликвидации контрреволюции» Б. Калмыков с группой соратников был направлен из Владикавказа в Нальчик. Здесь уже собралось несколько десятков вооруженных кабардинских всадников, сочувствующих советской власти, что сорвало попытки правительства Г. Чижикова арестовать группу Б. Калмыкова. В сопровождении этих всадников Б. Калмыков, а также член Терского народного совета З. Палавандашвили и областной комиссар по национальным делам Г. Ахриев направились к зданию окружного Управления. «Войдя в кабинет Г. Чижикова, – пи-

шет Б. Калмыков, – я потребовал от него немедленного сложения полномочий. Он отказался и начал давать распоряжения о вызове на помощь офицерского отряда. Я открыл окно и крикнул стоящей толпе: “Палачи не хотят добровольно сдать власть!” Чижиков невольно поднялся и проговорил: “Я слагаю с себя полномочия”. В то же время на улицах Нальчика были разоружены все белогвардейские отряды... захвачены пулеметы, орудия. Через неделю во всей Кабарде была провозглашена Советская власть» [7, с. 38, 39].

Суть интерпретации Б. Калмыкова сводится к следующему: в результате спланированной большевиками областного центра операции в Кабарде бескровно, но под угрозой применения силы было смещено «контрреволюционное» правительство и нейтрализованы подконтрольные ему вооруженные формирования.

Реальная картина произошедшего, однако, существенно отличается от ставшей официальной академической версии. Как было выше указано, «февральская» администрация Кабарды, которую считали «последним гнездом контрреволюции» в Терской области, осознавая бесперспективность дальнейшего удержания власти, приняла решение о передаче своих полномочий советам. Это осознавали и во Владикавказе. Не случайно за два дня до описываемых событий, 16 (29) марта 1918 г., Терский областной народный совет опубликовал «Обращение к населению Нальчикского округа о проведении выборов делегатов на I окружной народный съезд», в котором, в частности, говорилось об отмене созываемого чижиковской администрацией народного форума и, в качестве основной повестки, указывался вопрос о формировании новых советских органов власти [4, с. 118].

Из этого следует, что большевики были вполне уверены, что провозглашение советской власти в Кабарде пройдет без эксцессов и препятствий со стороны прежнего режима. Об этом красноречиво говорит и то обстоятельство, что за день до намечаемого Народного съезда в Нальчике состоялось собрание офицеров Кабардинского конного полка Дикой дивизии, который, вернувшись в ноябре 1917 г. с фронта, стал опорой правительства Г. Чижикова. Присутствовавший на этом собрании

К. Чхеидзе в своих мемуарах отмечал, что офицеры, осознав бесперспективность открытого вооруженного выступления против большевиков, приняли решение временно распустить полк [15, с. 41, 40].

То есть никаких «белогвардейских отрядов» (сами белогвардейцы появились здесь лишь в начале 1919 г. после занятия Кабарды Добровольческой армией А. Деникина) в Нальчике, о которых говорит Б. Калмыков, не было. Соответственно, абсурдными выглядят его утверждения о фактах захвата арсеналов и разоружения подконтрольных Г. Чижокову частей, командный состав которых принял решение о самораспуске.

На серьезные расхождения с действительностью в интерпретациях Б. Калмыкова, перекочевавших в советские исследования революционного периода, указывает и Г. Русаков – партийный функционер, направленный Владикавказской большевистской организацией в Кабарду осенью 1917 г. для организационной работы. В 1957 г. по просьбе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, планировавшего издание к очередной годовщине «Октября» сборника воспоминаний борцов за советскую власть в регионе, Г. Русаков подготовил рукопись. Однако последняя после соответствующего цензурирования была опубликована лишь фрагментарно [2, с. 56]. Из оригинального текста были удалены нелицеприятные характеристики некоторых участников революционного движения в Кабарде, а также описание перехода власти к Советам в марте 1918 г., расходящееся с официальной версией.

Но, поскольку, как известно, «рукописи не горят», можно ознакомиться с изъятими фрагментами. «Мне товарищи из Нальчика, – вспоминает Г. Русаков, – 28 апреля 1957 г. прислали вырезку из газеты Кабардино-Балкарская правда со статьей А. Кабанова о провозглашении Советской власти в Кабарде и организации Окружного народного Совета. Здесь многое не соответствует действительности. В Нальчике не было организованного дворянского полка, хотя офицерства было много. Мой осведомитель, брат жены агронома Бохонова, штабс-капитан отрицал наличие подготовленной силы офицеров в Нальчике. В Нальчик приехал член Обкома партии, кажется Рамо-

нов, осетин. Информировал меня, что из Владикавказа от Областного Совета приедет делегация для помощи в организации в Кабарде Окружного Совета. В моем присутствии он вел беседу с Ахоховым, Энеевым, Шекихачевым и Карпинским (местные просоветские деятели. – О. Ж.) о методе удаления Чижокова, о составе Совета. Мне тов. Рамонов говорил, что по договоренности Областного комитета партии с находящимся в Пятигорске Северо-Кавказским ЦК в Нальчик пришлют комиссара округа, уже подбирается товарищ. Делегация приедет поездом. Время приезда он не знал. Я не знаю, чтобы приезжала группа большевиков во главе с Калмыковым, который в несколько дней создал отряды вооруженных всадников и на улицах Нальчика разоружил все белогвардейские отряды, захватил пулеметы, орудия. Этого не было. Нужно было спросить редакцию газеты чем она вооружила всадников. 90 % кабардинцев не имели оружия, кроме кинжала. Тов. Лобанов (делопроизводитель в администрации Г. Чижокова, перешедший на сторону большевиков. – О. Ж.) очевидец переговоров делегации Калмыкова с Чижоковым не слышал, чтобы Калмыков кричал в окно “Палачи не хотят добровольно сдать власть”. Забегая несколько вперед, я считаю, что редакция газеты “Кабардино-Балкарская правда” от культа личности не отошла» [1, л. 18].

Сведения, почерпнутые из рукописи Г. Русакова, позволяют с большей степенью объективности реконструировать событие перехода власти, и подкрепляют наш тезис о том, что в Кабарде в марте 1918 г. власть (политический режим) поменялась не через свержение, а в ходе «переговоров делегации Калмыкова с Чижоковым», то есть в результате вынужденной, но обошедшейся без применения силы передачи «февральской администрации» своих полномочий новой советской политической элите.

Формально акт передачи состоялся в ходе заседаний Окружного народного съезда (19–23 марта 1918 г. по старому стилю), протоколы которого изданы так же в цензурированном виде. В полной же версии данного документа обнаруживаются существенные для нашего повествования моменты. Присутствовавший на Съезде Г. Сохов – председатель

президиума «свергнутого» Окружного гражданского исполкома приветствовал его участников от имени своей пока еще функционирующей властной структуры. Уже на следующем заседании председатель форума Г. Ахриев объявил собравшимся, что комиссар Нальчикского округа Г. Чижиков «слагает с себя обязанности» и утвердил состав комиссии по приемке дел окружного исполкома. Примечательно, что некоторые делегаты Съезда – «почетные старики» предложили до назначения нового комиссара и формирования правительства – Окружного народного совета оставить представителей прежней администрации заведовать делами, «тем более, что они еще понадобятся народу» [13, л. 8]. То есть провозглашению советской власти на Окружном съезде предшествовала состоявшаяся в рамках этого же форума процедура передачи властных полномочий Нальчикским окружным гражданским исполнительным комитетом новым советским структурам.

Результаты. Характерные для революционного времени события – митинги, демонстрации, столкновения, покушения, свержения и т. д. в Кабарде в рассматриваемый период не имели места. В марте 1917 г. право формировать новые органы власти кабардинцы получили не в результате собственной политической протестной активности, что было бы пресечено вводом в регион нескольких казачьих полков, а вследствие смены политического режима в столице. В условиях централизованного государства, иерархии пространств изменения в центре страны в короткий временной промежуток были автоматически продублированы сначала на уровне области (Терской), затем на уровне входящей в нее низкой административно-территориальной единицы – округа (Нальчикского). Возможно, если бы Николай II спустя неделю после февральских событий, то есть пока страна еще не погружилась в смуту, взял ситуацию в Петербурге под контроль, разогнал митингующих и восстановил монархию, спустя еще неделю в областном центре Владикавказе и окружном – Нальчике состоялись бы торжества по случаю возвращения царя на трон.

Переход к власти Советов в Кабарде в марте 1918 г., по сути, отражает действие этой же логики иррадиации политических измене-

ний. Советская власть так же, как и «февральская администрация» весной 1917 г., хотя и не столь гладко, сначала утвердилась в столице, затем (применительно к географическим рамкам данного исследования) в масштабе Терской области и далее – в рамках входящего в состав последней Нальчикского округа. То есть на местах политическая система приводилась в соответствие с происходившими в центре революционными изменениями, что было гарантировано существенным преобладанием общегосударственного ресурса над региональным потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания о работе в городе Нальчике Кабардино-Балкарской АССР с декабря 1917 года по май 1920 года Русакова Григория Северьяновича // Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН). – Ф. 2. – Оп. 2. – Д. 38. – 41 л.
2. Воспоминания участников Октябрьской революции и Гражданской войны в Кабардино-Балкарии. – Нальчик : Эльбрус, 1981. – 316 с.
3. Гугов, Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик : Эльбрус, 1975. – 496 с.
4. Документы по истории борьбы за советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917–1922 гг.). – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 800 с.
5. Заявление членов Нальчикского гражданского исполнительного комитета // Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). – Ф. Р-201. – Оп. 1. – Д. 1. – 86 л.
6. Кажаров, В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / В. Х. Кажаров. – Нальчик : ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.
7. Калмыков, Б. Э. Статьи и речи / Б. Э. Калмыков. – Нальчик : Эльбрус, 1983. – 238 с.
8. Кармов, А. Х. Пшемахо Коцев – общественно-политический и государственный деятель Северного Кавказа / А. Х. Кармов. – Нальчик : Изд-во ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 168 с.
9. Корнев, Д. З. Революция на Тереке. 1917–1918 гг. / Д. З. Корнев. – Орджоникидзе : Сев.-Осет. кн. изд-во, 1967. – 351 с.
10. Музаев, Т. М. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года / Т. М. Музаев. – Нальчик : ООО «Печатный двор», 2012. – 680 с.

11. Опрышко, О. Л. На изломе времени / О. Л. Опрышко. – Нальчик : Эльбрус, 1996. – 352 с.
12. Петров, Ю. А. Великая российская революция: современные историографические тренды / Ю. А. Петров // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : [ИРИ РАН], 2017. – 808 с.
13. Протокол заседания Съезда представителей трудового народа Нальчикского округа // УЦГА АС КБР. – Ф. Р-198. – Оп. 1. – Д. 1а. – 26 л.
14. Улигов, У. А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.) / У. А. Улигов. – Нальчик : Эльбрус, 1979. – 356 с.
15. Чхеидзе, К. А. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / К. А. Чхеидзе. – Нальчик : Изд-во КБИГИ, 2008. – 120 с.

REFERENCES

1. Vospominaniia o rabote v gorode Nalchike Kabardino-Balkarskoi ASSR s dekabria 1917 goda po mai 1920 goda Rusakova Grigorii Severianovicha [Memories of Work in the City of Nalchik of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic From December 1917 to May 1920 by Grigory Severyanovich Rusakov]. *Arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniĭ Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], f. 2, inv. 2, d. 38. 41 l.
2. *Vospominaniia uchastnikov Oktiabrskoi revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v Kabardino-Balkarii* [Memoirs of Participants in the October Revolution and the Civil War in Kabardino-Balkaria]. Nalchik, El'brus Publ., 1981. 316 p.
3. Gugov R.Kh. *Sovmestnaia borba narodov Tereka za sovetskuiu vlast* [Joint Struggle of the Terek Peoples for Soviet Power]. Nalchik, El'brus Publ., 1975. 496 p.
4. *Dokumenty po istorii borby za sovetskuiu vlast i obrazovaniia avtonomii Kabardino-Balkarii (1917–1922 gg.)* [Documents on the History of the Struggle for Soviet Power and the Formation of the Autonomy of Kabardino-Balkaria (1917–1922)]. Nalchik, El'brus Publ., 1983. 800 p.
5. Zaiavlenie chlenov Nalchikskogo grazhdanskogo ispolnitelnogo komiteta [Statement by Members of the Nalchik Civil Executive Committee]. *Upravlenie Tsentralnogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (VTsGA AS KBR)* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (DCSAAS KBR)], f. r-201, inv. 1, d. 1. 86 l.
6. Kazharov V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected Works on the History and Ethnography of the Circassians]. Nalchik, ООО «Pechatnyi dvor» Publ., 2014. 904 p.
7. Kalmykov B.E. *Stati i rechi* [Articles and Speeches]. Nalchik, El'brus Publ., 1983. 238 p.
8. Karmov A.Kh. *Pshemakho Kotsev – obshchestvenno-politicheskii i gosudarstvennyi deiatel Severnogo Kavkaza* [Pshamakho Kotsev – Socio-Political and Governmental Figure of the North Caucasus]. Nalchik, Izdatelstvo IGI KBNHTs RAN, 2018. 168 p.
9. Korenev D.Z. *Revoliutsiia na Tereke. 1917–1918 gg.* [Revolution on the Terek. 1917–1918]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 351 p.
10. Muzaev T.M. *Russkaia revoliutsiia i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda* [Russian Revolution and the Peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]. Nalchik, ООО «Pechatnyi dvor» Publ., 2012. 680 p.
11. Opryshko O.L. *Na izlome vremeni* [At the Break of Time]. Nalchik, El'brus Publ., 1996. 352 p.
12. Petrov Iu.A. *Velikaia rossiiskaia revoliutsiia: sovremennye istoriograficheskie trendy* [The Great Russian Revolution: Modern Historiographic Trends]. *Velikaya rossiiskaya revoliutsiia, 1917: sto let izucheniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Great Russian Revolution, 1917: One Hundred Years of Study. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, IRI RAN, 2017. 808 p.
13. Protokol zasedaniia Syezda predstavitelei trudovogo naroda Nalchikskogo okruga [Minutes of the Meeting of the Congress of Representatives of the Working People of the Nalchik District]. *Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj respubliki* [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic], f. r-198, inv. 1, d. 1a. 26 l.
14. Uligov U.A. *Sotsialisticheskaia revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Kabarde i Balkarii i sozdanie natsionalnoi gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1937 gg.)* [Socialist Revolution and Civil War in Kabarda and Balkaria and the Creation of the National Statehood of the Kabardian and Balkarian Peoples (1917–1937)]. Nalchik, El'brus Publ., 1979. 356 p.
15. Chkheidze K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebriakov. Grazhdanskaia voina v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Civil War in Kabarda]. Nalchik, Izd-vo KBIGI, 2008. 120 p.

Information About the Author

Osman A. Zhansitov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Contemporary History, Institute for Humanitarian Research, Branch of the Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Pushkina St, 18, 360051 Nalchik, Russian Federation, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>

Информация об авторе

Осман Асланович Жанситов, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора Новейшей истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», ул. Пушкина, 18, 360051 г. Нальчик, Российская Федерация, osman.zhansitov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2153-707X>